

Academia. Архитектура и строительство, № 3, стр. 172–175.

Academia. Architecture and Construction, no. 3, pp. 172–175.

События

Рецензия

Долгий век Ивана Владиславовича Жолтовского

Вяземцева А.Г. (Генуя, Италия). Кандидат искусствоведения, PhD. Фонд «Палаццо Дукале» (16123, Италия, Генуя, piazza Matteotti, 9).

Vyazemtseva Anna G. (Genoa). Candidate of Science in Art Studies, PhD. Fund "Palazzo Ducale" (Piazza Matteotti 9, Genoa, Italy, 16123).

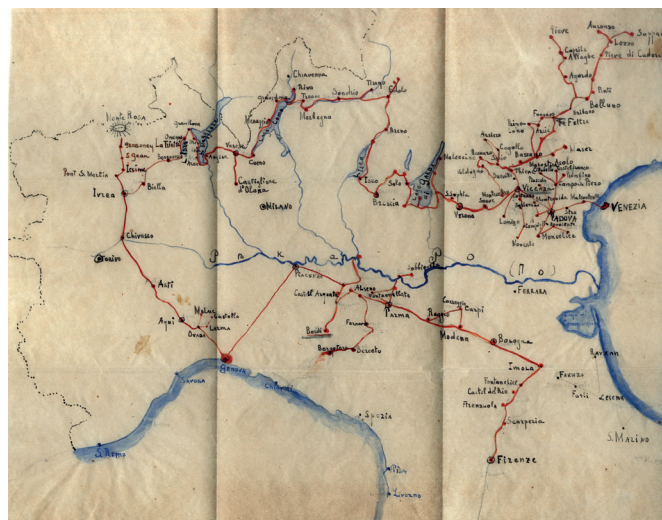
Илья Печёнкин, Ольга Шурыгина. Иван Жолтовский. Опыт жизнеописания советского архитектора. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с., ил. ISBN 978-5-4448-1937-1

Формат этой книги необычен для жанра творческих биографий архитекторов, вышедших в последние годы на русском языке, которые, как правило, представляют собой либо переведённую в формат монографии научно-исследовательскую работу (как, например: Костюк М.А. Иофан. До и после Дворца Советов. – Берлин : Dom Publishers, 2019), либо популярный рассказ, не всегда основанный на достоверных источниках, однако привлекательный для читателя в силу воспроизводимой вокруг своего героя мифической ауры (Васькин А.А. Алексей Щусев. Архитектор №1. – Москва : Молодая гвардия, 2023).

И.Е. Печёнкин и О.С. Шурыгина целью своего «жизнеописания» И.В. Жолтовского ставят именно отделить мифы от фактов. Именно это, а не «развенчание мифа», представля-

ется задачей куда более профессиональной, увлекательной и благородной. Потому как «миф Жолтовского» уже сам по себе достоин быть предметом научного исследования.

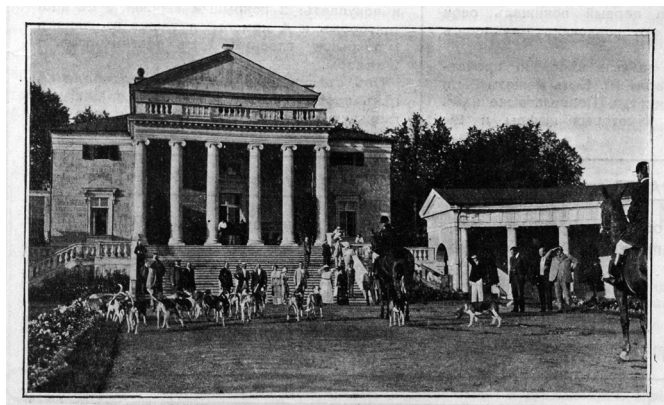
Иван Владиславович Жолтовский (1867–1959), родившийся в семье польских помещиков в Минской губернии ещё при царе-освободителе Александре II и умерший в Москве при первом секретаре, развенчавшем культ личности, Н.С. Хрущёве, – едва ли не самый известный в нашей стране советский архитектор (даже для неспециалистов), благодаря, среди прочего, московскому городскому фольклору с неперменным участием «товарища Сталина», где Жолтовский выступает ключевым героем. В то же время, Жолтовский – «священная корова» отечественного искусствоведения, несмотря на свою исключительную близость к верхам советского режима, любимый и почитаемый безраздельно всеми, включая историков «старого» искусства (в советском глоссарии), обычно пренебрежительно относящихся к «советскому». Причина – его глубокое знание классической архитектуры, исключительный

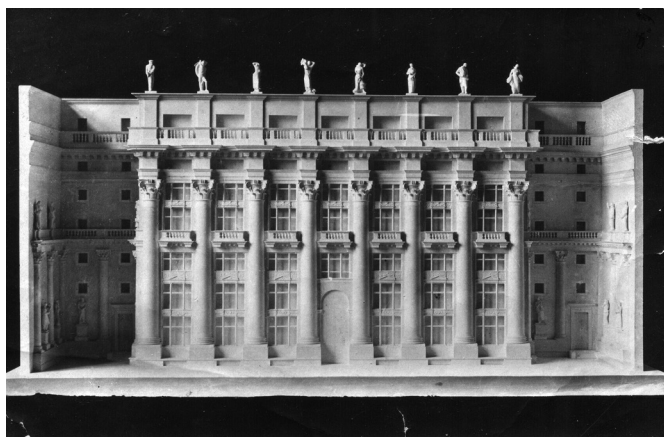
Карта путешествия И.В. Жолтовского по Италии. 1920-е гг. РГАЛИ

педагогический талант, первый в XX веке изданный перевод (1936) знаменитого трактата вичентинского зодчего Андреа Палладио. Все эти три достижения, как мы видим из книги, овеяны мифами, надёжно заслонившими факты.

Популярность Жолтовского в нашей стране огромна, сравниться с ним может разве что автор мавзолея В.И. Ленина А.В. Щусев. Показательно при этом, что за рубежом, кроме

Усадьба Липовка. И.В. Жолтовский, 1906–1907. Фото начала XX в. Источник: «Автомобилист» (М., 1913)

Жилой дом на Моховой. И.В. Жолтовский, 1932–1934. Фото проектной модели. ЦГАМО

Жилой дом на Большой Калужской улице. И.В. Жолтовский и мастерская, 1940–1949. Фото 1949 г. ГАРФ

совсем узких специалистов, о Жолтовском не знает никто, хотя имена его современников – К.С. Мельникова, В.А. и А.А. Весниных, М.Я. Гинзбурга, И.И. Леонидова – хорошо знакомы историкам архитектуры и всем ею интересующимся. Можно было бы списать это отсутствие интереса на популярность советского авангарда на Западе, однако едва ли она объясняет отсутствие интереса к классицисту Жолтовскому. Например, Борис Иофан, безусловный протагонист «освоения наследия», в последние годы заслужил три биографии, вышедшие одна за другой: две из них переводные – опубликованные берлинским издательством «Дом Паблишер» (Dom Publishers) монографии М.А. Костюк (2019) и В.В. Седова (2022), а также популярная книга американского автора Дейяна Суджича престижного лондонского издательства «Тэймс и Хадсон» (Thames&Hudson, 2022).

О Жолтовском же есть лишь редкие статьи в узкоспециализированных журналах, как например, обзорный биографический очерк Д.О. Швидковского и Ю.Е. Ревзиной в альманахе «Анналы архитектуры» («Annali dell'Architettura», 2019), призванный скорее познакомить читателя с неизвестным ему мастером, нежели осветить его творческую позицию и проблемы, связанные с его наследием.

Отсутствие зарубежного интереса, однако, отнюдь не умаляет масштаба фигуры мастера и его значения для архитектуры, а констатирует его важность прежде всего для локальной культуры, чьи границы едва ли можно назвать скромными, учитывая, что локус в момент творческой активности Жолтовского представлял собой 1/6 часть суши. Книга Печёнкина и Шурыгиной последовательно выявляет причины этого феномена и рассказывает о последствиях.

Значение Жолтовского для советской архитектуры огромно. Ведь именно его Дом на Моховой, завершённый в 1934 году (а не неосуществлённый проект Дворца Советов Иофана), стал первым материальным подтверждением официальной культурной политики, ориентированной на «освоение наследия». Перевод «Четырёх книг об архитектуре» Палладио с указанием Жолтовского в качестве переводчика был издан двумя тиражами по 5 тыс. экземпляров (весьма большим для такого рода издания) и разослан во все профессиональные библиотеки Советского Союза. Типовые проекты возглавляемых им мастерских реализовывались по всей стране и регулярно освещались в профессиональной прессе. О его «системе» до сих пор ходят легенды в профессиональных кругах, где и сегодня есть архитекторы, считающие себя выходцами из «школы Жолтовского».

Однако, как показывает книга, Жолтовский «был очень необычным советским архитектором». Формат – «опыт жизнеописания», выбранный Печёнкиным и Шурыгиной, весьма успешен для поставленных целей. Жизнь их героя проходит через череду самых радикальных событий в новейшей истории России, и кажется невероятным, что персонаж такого масштаба, прежде всего – политического, умер от старости на 92-м году жизни. Это похоже на опыт другого зодчего – героя

сталинской эпохи А.В. Щусева, но его биография сложилась куда менее успешно. В революцию, не принимая ни одной из сторон, Жолтовский из «архитектора миллионеров» превращается в протеже Луначарского, в годы авангарда проектирует неоренессансные дома советов, а в период большого террора, не включаясь в дискуссии о социалистическом реализме и не вступая в партию, превращается в маэстро сталинского стиля. Оказавшись в центре кампании по борьбе с космополитизмом 1948 года, в 1950-м он получает сталинскую премию, а затем, дождавшись смерти диктатора, первым делом добивается для своих учеников поездки в Италию. Ученики же – Ю.Н. Шевердяев, П.И. Скокан, В.Л. Воскресенский, Н.П. Сукоян – станут протагонистами советского модернизма, архитектуры «борьбы с излишествами», и одновременно, как ни парадоксально, почитателями своего учителя, несущими миф о Жолтовском в следующее столетие.

«Мистифицировать свою жизнь оправдано, когда есть что скрывать», – справедливо констатируют авторы (с. 10). В первых двух главах (всего из в книге семь) они скрупулёзно реконструируют раннюю биографию автора, сопоставляя её с «официальной» и объясняя расхождения. Анализируются социологические и политические аспекты творческого формирования Жолтовского, которые представляются в контексте системы образования и профессиональной деятельности в дореволюционной России. Подробно описаны его поездки в Италию с недостающими в традиционных биографиях (не только Жолтовского) сведениями о том, что архитектор в них видел или мог увидеть и чем он был впечатлён помимо известных исторических памятников (как, например, Туринская выставка 1902 года). Раскрываются связи Жолтовского – с соплеменниками (С.П. Галензовский), с представителями интеллектуальной среды (П.П. Муратов), с коллегами (Л.М.

Браиловский) и т.п., а также его «случайное» знакомство с Палладио: читая «Путешествие по Италии» Гёте во время поездки, он решает изменить свой маршрут и отправиться в Виченцу.

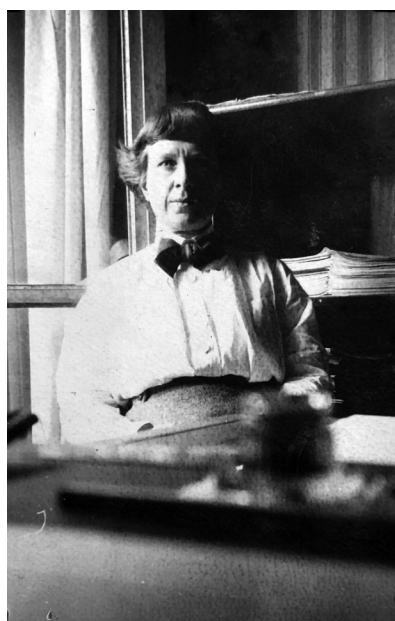
Не менее выразительно в третьей главе описан и период приспособления Жолтовского к новым постреволюционным реалиям, когда «герой действительно найдёт общий язык с советским режимом и освоится в предлагаемых им условиях». Однако из приведённых фактов Жолтовский отнюдь не выходит приспособленцем, что становится ясным из многочисленных эпизодов, «когда шаги его, выглядящие эгоистичными и не вполне благородными, на деле оборачиваются выгодой или спасением для других» (с. 44), как, например, случилось, когда он в 1944 году хлопотал о присвоении опальному Мельникову степени доктора архитектуры «без защиты диссертации» (с. 44).

Четвертая глава посвящена длительной командировке Жолтовского в Италию в 1923–1926 годы с очевидно утопической перспективой создания «Русского художественного института», когда авторов справедливо интересует не столько цель поездки, сколько причины возвращения в Советский Союз.

Отдельного внимания достойна пятая глава, в которой анализируется ключевое произведение Жолтовского-архитектуроведа: перевод труда Палладио. Представляя широкий контекст состояния и эволюции архитектурной теории в России и СССР в период творчества своего героя – с конца XIX по первую треть XX века, авторы через анализ архивных документов выявляют истинного автора перевода – представительницу известного купеческого рода Е.П. Рябушинскую, благодаря которой «русский читатель обрёл своего Палладио» (с. 69). «Оставляя читателю право сделать моральные выводы», они отмечают, «что издатели и сам Жолтовский в середи-

И.В. Жолтовский. Фото 1887 г. РГИА

Е.П. Рябушинская. Фото 1920 г. NYPL

И.В. Жолтовский в своём кабинете. Фото конца 1950-х гг. Частное собрание

не 1930-х годов имели веские основания для мистификации: имя Рябушинской как автора перевода сложно представить на титульном листе этой книги» (с. 69).

Шестая глава посвящена, возможно, ключевому вопросу в творческой биографии Жолтовского: «резонно ли считать [его] основоположником сталинского “стиля”?» (с. 70). Сама его постановка – повод для анализа отношений архитектора с властью, который обоснованно приводит к выводу об их противоречивости.

Заключительная седьмая глава посвящена знаменитой школе-мастерской Жолтовского, сюжет с появлением которой в литературе «изрядно мистифицирован» (с. 89). Авторы делают попытку документальной реконструкции её создания, особенностей её деятельности и приходят к выводу о том, что она была «гораздо более похожа на частное проектное бюро, сотрудники которого являлись своего рода “коллективным Жолтовским” и в этом смысле могут быть названы его учениками» (с. 94).

Все факты биографии логично связываются авторами с постройками Ивана Владиславовича, сама архитектура в этой книге предстаёт нередко как источник архивных данных или как доказательство тех или иных предположений. В книге фигурируют множество ключевых фигур советской архитектуры 1930–1940-х годов – помимо упомянутых протагонистов Щусева и Мельникова – В.А. Щуко, И.А. Фомин, представители следующего поколения С.Н. Кожин, М.П. Парусников, Г.П. Гольц, И.Н. Соболев, А.К. Буров и др., что помогает получить более общее представление об истории советской архитектуры, по сути, по сей день так и не написанной.

Авторы книги нередко категоричны в оценках [«два десятилетия спустя концепция вечной классики Жолтовского обернулась величественным маразмом» (с. 12)], нетривиальны в сравнениях [«alter ego Жолтовского – Фрэнк Ллойд Райт», от которого Жолтовский отличается «ностальгической привязанностью к прошлому» (с. 101)] и приходят к важному выводу: «Жолтовский не был современным архитектором и, по всей видимости, не стремился им стать» (с. 101). Именно поэтому, отметим, он и не нашел популярности на Западе, где было достаточно своих харизматичных классиков-традиционалистов [как, например, почти ровесник Жолтовского Эдвин Лютенс (1869–1944) в Британской Империи].

Сегодня «нережимные» представители авангарда, несмотря на исчезнувшую проблему сохранения их наследия, в определённой степени институализированы: Дом Мельникова – принадлежит федеральному музею (ГНИМА им. А.В. Щусе-

ва), Клуб завода ЗИЛ братьев Весниных – отреставрирован и выполняет функцию культурного центра, подведомственного Правительству Москвы. Жолтовский, однако, сохраняя свой «эзотерический флёр», несмотря на амплу создателя сталинского ампира, так и остаётся объектом почитания творческой элиты. В башне дома на Смоленской площади, построенного по его проекту, один из модных салонов Москвы, привести куда могут только профессиональные или личные связи. По легенде (никак не сообразующейся с реальностью), там находился рабочий кабинет Ивана Владиславовича. Городской фольклор, несущий из поколения в поколение миф об архитекторе-палладианце, архитекторе-интеллектуале, творящем вневременную архитектуру, несмотря на политические и социальные катаклизмы, перенёс сюда его кабинет-студию в Вознесенском переулке, как бы придав ей должный материальный образ башни. Башни из слоновой кости.

Представленный текст – своего рода выжимка из масштабного и богато иллюстрированного двухтомника о Жолтовском, написанного авторами на основе многолетнего исследования и многочисленных публикаций. Им предшествовали монография С.О. Хан-Магомедова, ведущего историка архитектуры, вышедшая в 2010 году, однако очень немногочисленным тиражом, а также диссертация А.В. Фирсовой, успешно защищённая в 2004 году, но, к сожалению, так и не опубликованная. Указанные труды отделяют от предшествующих им полвека. После 1955 года попыток написания биографии Ивана Владиславовича не было. Его творчество не коррелировало с новыми установками общества эпохи развенчивания культа личности, а затем в эпоху застоя едва ли могло быть симпатичным исследователям в связи со своей прямой ассоциацией с временем «большого террора».

Эта книга – первая творческая биография советского архитектора научного качества, написанная в популярном жанре. Критически анализируя (а отнюдь не развенчивая) мифы об архитекторе, И. Печёнкин и О. Шурыгина предлагают непредвзято взглянуть на время Жолтовского, которое до сих пор, несмотря на историческую дистанцию и падение советского строя уже более 30 лет назад, оваяно в общественном сознании старыми мифами и сегодня обрастает новыми. Авторы, принадлежащие к первому постсоветскому поколению, нашли очень подходящий ракурс для воспроизведения творческого и личного портрета архитектора Ивана Владиславовича Жолтовского, всей своей жизнью воплотившего справедливость слов о том, что «в России надо жить долго».